
И.Е.Рыбалкин

Соображения и ответы

Прежде чем ответить на вопросы нашего болгарского коллеги г-на Георгия Коларова, откликнувшегося на недавнюю публикацию моих мемуаров в «Латинской Америке», хотел бы высказать соображения по поводу его статьи «Чилийские коммунисты до и после военного переворота 1973 г.», которая помещена выше. Мне представляется, что она содержит недостаточно обоснованные суждения.

Явно представляя себя сторонником развития общества по социалистическому пути и отнюдь не испытывая благосклонности к политике нынешних правителей своей родины, отказавшихся от движения к социализму, автор питает аналогичные чувства и к ситуации в нынешней Чили.

Г.Коларов констатирует, что с 2010 г. «Чили руководит предприниматель-миллиардер Себастьян Пиньера, чей приход к власти прервал 20-летний период бессменного правления коалиции левоцентристских сил и заставил задуматься над вопросом: неужели социализм больше не востребован в чилийском обществе». Автор статьи ставит это под сомнение, говоря, что ответ дали студенты в 2011 г., «поднявшие настоящее восстание под знаменем социализма», причем «их требования нашли поддержку в обществе».

Для понимания такой «непростой ситуации» Коларов считает полезным рассмотреть историю РСЧ и касается тактики единого фронта, установления единства между чилийскими коммунистами и социалистами, образования коалиции Народного единства, кандидат которой С.Альенде одержал победу на президентских выборах 1970 г.

В статье говорится, что в то время «руководство РСЧ не признавало насильственных форм политической борьбы», а «коммунисты также не верили, что после взятия власти мирным путем им придется защищать ее с оружием в руках». При этом такая позиция оценивается как наивная, и автор заявляет, что «эта наивность позже обошлась им очень дорого».

При этом ссылки почему-то даются на работу Роднея Арисменди — хоть и авторитетного теоретика коммунистического движения того времени, но все-таки уругвайца, — а не на документы чилийской компартии.

Далее, излагая позицию РСЧ, автор ссылается на высказывания чилийских коммунистов уже после переворота 1973 г., который, по его словам,

Игорь Евгеньевич Рыбалкин — кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посланник 1-го класса в отставке, автор работ по новейшей истории стран Латинской Америки (igryb@mail.ru).

«в очередной раз доказал, что успех социалистической революции невозможен без ее вооруженной защиты», а коммунисты «все еще были убеждены в том что, когда политическая борьба носит мирный характер, это легитимизирует революционную власть в глазах средних слоев общества и способствует революционным преобразованиям».

По существу автор критикует позицию руководителей РССЧ, хотя затем, опираясь на высказывания ее лидеров, говорит об осознании ими необходимости создания единого антифашистского фронта, в котором нашлось бы место *всем социальным классам и слоям народа* (выделено мной. — И.Р.). Возникает вопрос: даже тем, кто поддержал переворот?

Г.Коларов считает переломным моментом в деятельности РССЧ пленум ее ЦК в августе 1977 г., который прошел не в Мексике, как говорилось в сообщении для печати, а, насколько я знаю, в Москве на сталинской даче в Вольнском. В своем докладе Корвалан тогда расценил как «принципиальную ошибку» правительства Альенде отсутствие ограничений на пропаганду против социалистических идеалов и «революционной решительности».

Далее говорится о «радикализации коммунистов», правда без пояснения, что это значило, а также о курсе партии в 1980—1981 гг. на вооруженное восстание, решение о котором будто бы было принято «без консультации с союзниками», и о предложении РССЧ (со ссылкой на зарубежный бюллетень партии, издававшийся загранбюро РССЧ в Москве) объединиться всем оппозиционным силам для борьбы против хунты: «Главное — убедить народ в том, что конец диктатуре можно положить силовым путем, осуществляя насильственные политические акции». В тот момент, по утверждению болгарского исследователя, в рядах Народного единства стали проявляться центробежные тенденции, и среди чилийских левых началась перегруппировка (опять-таки не уточняется, какая), а руководство РССЧ во главе с Корваланом «прилагало огромные усилия, чтобы приостановить или хотя бы замедлить этот процесс, но он был объективен: страна переживала экономический подъем, что вызывало у многих левых лидеров сомнения относительно целесообразности силовой борьбы против диктатуры». Получается, что коммунисты не замечали этого подъема, продолжая вещать об «экономическом провале» Пиночета. Должен заметить, что, как говорится, концы с концами не сходятся.

Автор также останавливается на разногласиях среди чилийских коммунистов по формам борьбы (вооруженное сопротивление или мирное). При этом Хорхе Инсунса почему-то характеризуется как «лидер экстремистов».

И, наконец, говорится об изменении соотношения сил внутри РССЧ, в результате которого на съезде в мае 1989 г. генсеком вместо Л.Корвалана был избран В.Тейтельбойм, и с ним «умеренные представители заняли доминирующее положение в партии», хотя тут же утверждается, что «радикалы в РССЧ не признавали новой партийной линии и не смягчили своих позиций». Попробуй разберись, кто конкретно имеется в виду! Высказывается мысль, что после президентских выборов 1989 г. соперничество между «традиционалистами» (без объяснения, кто это такие) и «экстремистами» (тоже без упоминания персон) внутри РССЧ «существенно обострилось».

Затем вдруг упоминается о «попытке переворота в Москве в 1991 г.», когда «коммунисты под нажимом ультралевых, ведомых Гладис Марин, отступили», а Тейтельбойм якобы обвинил Горбачева «в крупнейшем политическом провале XX в.», тогда как «несогласные с этой позицией были

исключены из партии». Отсутствие ссылок на документы и данных заставляет сомневаться в истинности утверждений.

Согласен, что есть немало вопросов, касающихся политики РССЧ в борьбе за устранение военно-диктаторского режима после переворота 1973 г. Конкретное исследование практической линии РССЧ в те годы дает основание утверждать, что в партии не полностью осознали не на словах, а на деле, что путь лежит через объединение *всех* (выделено мной. — *И.Р.*), включая и христианских демократов, оппозиционных сил и не на путях вооруженной борьбы, хотя сами коммунисты твердили об этом как о своей стратегической линии.

В своих воспоминаниях я упоминал, что после провозглашения Корваланом в 1980 г. линии на народное восстание коммунисты сами констатировали, что демокристиане все более включались в борьбу против диктатуры. Это свидетельствовало о неуверенности в правильности провозглашенного РССЧ курса.

В итоге напрашивается вывод, что линия РССЧ к концу правления Пиночета привела к тому, что партия из-за допущенных просчетов в заключении союза и взаимодействии с другими оппозиционными силами растеряла прежнее влияние. Но в настоящее время, о чем свидетельствовали результаты муниципальных выборов в октябре прошлого года, начинает восстанавливать свои позиции.

В заключение — об одной ремарке автора статьи. Он вспоминает о своем чилийском друге Рауле Санчесе, мэре города Ла-Лигуа, по словам Г. Коларова, «самом высокопоставленном в государственной иерархии представителе партии до 2004 г.». Тот упрекал руководство РССЧ в том, что оно раскрывает зонтик, когда в Москве идет дождь, т.е. действует с оглядкой на КПСС, нередко в ущерб объективному восприятию чилийской действительности. Однако РССЧ не шла слепо за КПСС, при том, что находилась в определенной зависимости от финансовой поддержки КПСС. Я со всей ответственностью заявляю, что в отношениях с КПСС РССЧ была не пассивным объектом, а субъектом, основывающим свою позицию на собственной точке зрения.

Теперь попытаюсь ответить на вопросы нашего болгарского друга, заданные мне лично. Итак, по порядку.

1. Честно говоря, не понимаю, о чем идет речь. Говорили одно, а делали другое? Думаю, что с самого начала, когда возникла перспектива «чилийского пути к социализму» без вооруженного насилия, позиция советского руководства была последовательной. Оно не возлагало особых надежд на успех «чилийского эксперимента», не было уверено в возможности его осуществления, но это не означало, что безразлично относилось к усилиям Альенде по реализации своего замысла. Советское руководство старалось помогать политически и экономически, исходя из имевшихся возможностей, которые, конечно, не были безграничны. Поэтому и в контактах с руководящими деятелями правительства Альенде ясно давало понять, что в условиях конфронтации мира социализма и империализма (война во Вьетнаме, сложная ситуация на Ближнем Востоке, поддержка освободительного движения в Африке) у нас были другие обязательства, не позволявшие чилийцам рассчитывать на нашу более щедрую помощь.

2. Не могу сказать, было ли отношение чилийских эмигрантов в СССР более критическим, чем в Болгарии. В очерке об Орландо Мильясе я уже привел высказывания о недостатках, которые он видел и отметил в своих мемуарах.

Уверен, что и в Болгарии чилийцы видели не только недостатки, но и чувство солидарности и поддержку, наряду с преимуществами социали-

стического строя. Приведу выдержку из письма от 1 июня 1982 г., полученного мной от Эулохио Суареса, литератора и поэта, кстати, приехавшего в Москву из Болгарии для работы помощником Корвалана после прибытия последнего в СССР в 1976 г. «За эти годы жизни в советской стране, — писал Эулохио, — я научился любить СССР и восхищаться им не идеальным, а реальным. Это нечто очень важное, ибо такие чувства неизменны. Многие вещи оказались менее фантастическими, чем я их воображал до приезда сюда, но другие, огромное большинство, превзошли мои ожидания... У жизни свои законы, и мне придется вести ее в иных краях. Но уверяю тебя, что навсегда сохраню в сердце и в душе эту твою страну, которая теперь и моя».

3. Надо уточнить, что означают слова «реальное вмешательство в чилийские дела и реальная помощь чилийской мирной социалистической революции». Реальное вмешательство, каким путем? Вооруженным? Думаю, что Брежнев, да и все советское руководство, считали прямое вооруженное вмешательство нецелесообразным, да и неисполнимым хотя бы в силу международной обстановки и противоборства двух систем. Правда, какое-то вмешательство полностью не исключалось. Ведь во время визита Альенде в СССР в ноябре-декабре 1972 г. и конкретно в беседе с президентом Чили один на один 7 декабря, которую мне довелось переводить, советский лидер выразил готовность рассмотреть вопрос о помощи вооружением, если чилийцы обратятся с соответствующей просьбой. Тогда же была рассмотрена и учтена просьба Альенде о предоставлении валютного займа посредством выделения синдицированного кредита соцстран. Но опять-таки наши экономические возможности были крайне ограничены.

Добавлю, что решение о направлении вооружения все же было принято, и его отправили морем. Как вспоминал Николай Леонов, заместитель начальника разведки, а потом начальник аналитического управления КГБ СССР, когда стало известно о перевороте в Чили, корабли были остановлены.

4. И сейчас не могу судить о четкости и эффективности геостратегии советского государства. Был далек от ее выработки и осуществления. По моему мнению, советское государство не замахивалось на обретение союзника на окончательности «Южного конуса», тем более, если надо его подкармливать. Зачем взваливать на себя новую обузу? Как говорится, кишка бала тонка.

А теперь хотел бы добавить следующее.

После приезда в 1990 г. во главе нашей дипломатической миссии в Чили я подружился с послом НРБ Кириллом Киркоровым, который отстаивал интересы социалистической Болгарии и продолжал пропагандировать ее достижения. Он вел себя очень достойно в отношении пострадавших от военного диктаторского режима. В своем доме он принял моего незабвенного друга Родриго Рохаса после того, как в феврале 1974 г. по решению суда его освободили из пиночетовских застенков, и содействовал получению им разрешения на выезд в Болгарию, откуда тот потом переехал в ГДР. Мне хотелось бы узнать, как сложилась судьба Киркорова после завершения им дипломатической миссии и прихода к власти на родине нового правительства?

В заключение желаю Георгию Коларову всего самого доброго, в том числе успехов в подготовке и защите докторской диссертации.